

**НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД УЧЕБЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА ПУЗАНОВА
В ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(неизвестные факты из жизни и деятельности 1904-1905 гг. XX века)**

Богачик Т. А., Пузанов Б. И., Рясиков Л. В.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Шампанский пер. 2, г. Одесса, 65058, Украина

2005 год XXI века — год многих исторических юбилеев. Так, 19 января минул 101 год с момента начала русско-японской войны, а чуть раньше — 9 января был 100-летний юбилей кровавых событий расстрела царскими войсками рабочей манифестации вблизи Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Этот день страшных общественных потрясений навсегда остался в истории как первый день русской буржуазно-демократической революции. Чужие, зловеще утрашающие слова мест военных сражений на Дальнем Востоке, сопровождавшиеся тяжелыми поражениями русского оружия — Мукден, Порт-Артур, Цусима больно ударили по душе великой нации.

Хотя столь трагичные события выпадают на долю наций не столь часто, однако в первые 20 лет минувшего столетия на долю России и Украины их выпало немало. Зимой и весной 1905 г. произошли первые революционные выступления рабочих и крестьян, студентов и интеллигенции во многих городах Российской империи, причем как в столичных, так и губернских. А уже летом 1905 года революционные события достигли черноморской жемчужины — Одессы. Восставшие матросы с героического броненосца “Потемкин” нашли горячую поддержку у прогрессивной интеллигенции и студентов Императорского Новороссийского университета, беднейших слоев рабочих, портовых грузчиков и мастеров, ремесленников и купечества. С июля по август 1905 г. революция набирала медленный разбег. В различных губерниях полыхали помещичьи усадьбы, замирали станки в цехах заводов Путилова и Гена, пустели фабрики Морозова и Шустова, на путях безжизненно остывали раскаленные в беге паровозы и вагоны. Эта революция не только резко всколыхнула в народных массах решительно-благородные силы, долго дремавшие до этого втуне, но и подняла на поверхность реальной жизни немало мути, лежавшей на дне глубокой и трудной русской истории.

Именно тогда и возник, порожденный специальной инициативой Управления жандармов и полиции на местах, печально известный собственной реакционностью “Союз русского народа”. А в народе он получил меткое название — черная сотня. Нашим современникам следует напомнить, что его создатели очень сильно обижались, когда в печатных публикациях и выступлениях их справедливо называли черносотенцами. Им самим больше нравилось слово “союзники”.

О революционных событиях того времени сказано и написано много, но знаем мы о них ныне далеко не все. Как справедливо утверждают представители киевской школы историков науки во главе с профессором Ю. А. Храмовым, важнейшим среди методических подходов, использующихся исследователями-историками, является метод объективизации. Это изучение процесса развития научного знания путем реконструктивного воссоздания портретов ученых. Для этого исследователи истории науки обращаются к разным архивным и литературным источникам, например, к письмам и мемуарам, биографическим материалам (Рудая, 2003). Они представляют порой единственно доступные для историка реальные документы познания жизни и деятельности ученого, которым он занимается ныне. Так ознакомление с ценнейшими автобиографическими материалами профессора-зоолога И. И. Пузанова (1885-1971), позволили выявить ранее мало знакомые факты его жизни, а это весьма важно, поскольку 25 апреля 2005 года научная общественность отмечает 120-летний юбилей со дня его рождения.

Иван Иванович вернулся в родной Курск в самом конце декабря 1904 года в связи с тяжелой болезнью отца и по завершению учебы в I семестре Императорского Московского университета (ИМУ). Дома он поселился в пустующем кабинете отца, хотя святки, как и прошедшие новогодние праздники, семья встретила нормально. В компании младших сестер Наумовых: Маруси и Нади, и их подруги Сони Соколовой, его друга Володи Штибеля они устроили катанье на розвальнях в ближнюю к городу деревню Поповку. Эта поездка сопровождалась чаепитием, щелканьем орехов и, конечно, святочным гаданием.

А политика тем временем все более активно проникала в различные слои общества. В доме политика стала занимать все более главенствующее место. Его родственники по маме: дядя Аркадий, а также Василий Иванович усиленно обсуждали все события русско-японской войны, активно критикуя неудачи в стратегии ее ведения. Например, сражение под Мукденом, позорно проигранное нашими войсками под руководством генерала Куропаткина, о также страшное поражение флота в Цусимской морской битве. Они даже сочинили сатирические стишки, которые под гитару пел Леонид Наумов. Все чаще в семейном кругу обсуждались оголившиеся язвы во внутренней политике, все понимали, что действия царского правительства внутри страны начали давать трещину за трещиной.

Однако вольности и либеральные настроения охватили не только эту семью, но и семьи родных, друзей. Повсюду в Курске — в местной печати, в губернском земстве, городской думе и просто в собраниях обывателей стали слышны нотки недовольства. В значительном количестве стала появляться брошюрная литература. Вначале это были умеренно-либеральные статьи, которые выпускались издательством “Донская речь”. В них были материалы, как по русской истории, так и по истории стран Западной Европы (например, хартия Вольностей, об избирательном праве на Западе). Позже стали печатать подлинники работ (в переводе) известного немецкого социал-демократа Карла Каутского, например, “Об Ирландском беспорядке”, “О развитии форм государства”. Эти книги распространялись среди населения и их активно читали. Даже тяжело больной отец Ивана Ивановича, все время проводивший в постели, любил слушать не только чтение вслух различных романов, но и новых вольнолюбивых книжек. Его постоянным чтением был “мальчик” из магазина — Николай Ламанов (через несколько лет он стал родственником, женившись на стареющей младшей тетушке — Александре Васильевне Пузановой). После окончания праздников Иван Иванович продолжил занятия по самообразованию. Особенно много он читал по естественным наукам, например, к физике проникся серьезной любовью, благодаря лекциям профессора Тимирязева. Параллельно и основательно занимался переводом “Тропической Природы” Альфреда Уоллеса. Хотя многих названий не находил в словарях Уэбстера и Павловского, поэтому фразы выходили “дубовыми” по-русски.

Тихое и мирное течение жизни в Курске было нарушено двумя мощными революционными событиями: во-первых, кровавое побоище 9 января в Санкт-Петербурге, во-вторых, убийство взрывом бомбы эсера Каляева 4 февраля Московского губернатора, родного дяди царя Николая II — Сергея Александровича Романова. Это вызвало в провинциальном Курске массовые выступления учащейся молодежи, вылившиеся в жесточайшее избиение ее полицией и черносотенцами. Из Петербурга И. И. Пузанов получил письмо друга — Ивана Колешникова, в котором были описаны дичайшие подробности массового расстрела войсками рабочих и членов их семей. Друг Иван Ивановича был не только очевидцем, но и безвинно пострадавшим от бесчинств казаков (его сперва оглушили не вынутой из ножен шашкой, а затем жестоко избили).

После кровавой бойни в Питере по особому приказу местных властей в университетах северной столицы и Москвы занятия так и не возобновлялись. Революционный подъем быстро нарастал. В Москве, Курске, Харькове, Киеве и других провинциальных городах у многих людей царило приподнятое настроение, в том числе и в связи с террористическим актом эсеров в Москве. Общество расценило это не как месть, а законный ответ на события у Зимнего дворца 9 января. Революционный дух и активное брожение охватило молодежь. Революционные настроения проникли даже за толстые стены Курской мужской гимназии. 11 февраля в ней произошла настоящая маленькая революция. Гимназисты сорвали все уроки нелюбимых педагогов-реакционеров. В зале рекреации состоялся бурный митинг учеников старших классов, однако, на нем присутствовали делегаты и от младших. После этого директору гимназии были предъявлены ряд специальных требований, направленных на существенную демократизацию всего процесса преподавания, и улучшения работы ее педагогического совета. Директор Беляев, затерроризированный напористыми гимназистами, обещал принять все их справедливые требования. Напуганный активностью гимназистов, он рекомендовал им провести на следующий день дополнительное собрание под председательством одного из уважаемых ими педагогов. Кузены Ивана Ивановича: Алексей и Сергей, приняв участие в первом митинге, захотели выступить и на втором. Однако родственники предчувствовали трагизм грядущих событий. После прошедшего второго митинга, гимназисты в полном порядке — парами, пошли в сторону Реального училища Курска, чтобы рассказать своим сверстникам о достигнутых результатах. Но напуганная революционными настроениями учащихся, дирекция закрыла их внутри здания. Тогда гимназисты в том же порядке отправились к женской Мариинской гимназии — откуда навстречу им выбежали гимназистки. Переговоры между ними были прерваны внезапным налетом отряда полиции и стражников. Они, подкараулив школяров, сразу набросились на них с резкими возгласами: “... постоим за батюшку-царя!”, “Царь — наше отечество”.

“Резерв — бей!” — скомандовал полицмейстер и всех несчастных молодых людей (практически, безоружных подростков), в том числе не причастных к митингу маленьких девочек, идущих с уроков, стали нещадно избивать без пощады. Озверевшие полицаи жестоко расправились и с детьми. Вскоре Иван Иванович вместе с двумя товарищами В. Штибелем и Михаилом Овчинским вышел прогуляться на московскую улицу, ничего не зная о кровавых событиях вблизи гимназии. Узнав от прохожих о происшедшем и обсудив положение — они выразили свое горячее возмущение действиями полиции, решив разойтись по домам. Его друзья решили проводить Пузанова до Херсонской улицы. Однако при этом надо было проходить через красные ряды мелких торговцев обувью и их приказчиков — ярых черносотенцев (их курыне презрительно называли козлами). Перед ними внезапно выросла куча черносотенцев и множество зевак. Раздались возгласы: “... Бей жинов!”. Толпа схватила Овчинского и

начала его избивать. Он с Володей инстинктивно бросились ему на помощь. Ему (И. И.) удалось, схватив за руку, выхватить Мишу из рук мерзавцев и резко поставить на ноги. Затем они втроем очень быстро пошли к Херсонской улице. Чувствуя уважение к его росту и проявленной силе, а так же увесистой суковатой палке (И. И.) — толпа не прикасалась к нему, но один из нападавших все же нанес ему предательский удар сзади по уху. Он не ответил на это, чтобы не раздражать бесноватую толпу. Однако за него вступился Володя, поэтому толпа, сбив последнего с ног, стала жестоко избивать. И. И. Пузанов с Овчинским выхватили его, вскочив блястры в Аптекарский магазин, попросили помощи у владельца. Старый еврей в красивых золотых очках, проявив огромное мужество и значительное самообладание, так как риск разгрома магазина был весьма высок, оказал помощь избитому Овчинскому. Внезапно дверь магазина раскрылась, и внутри оказался приземистый чернобородый полицейский пристав Пузанов (это был достойный отпрыск дворянской ветви Пузановых). Следом за ним трое здоровенных стражников внесли в беспамятстве жестоко избитого Володю Штибеля. Полицеймейстер с места в карьер сразу заявил И. И.: “Я, Вам жизнь спас!”, и добавил: “... Господин провизор, окажите потерпевшему немедленную помощь!”. Оказывается Пузанов наблюдавший, а может и организовавший нападение на нас “козлов” из красного ряда, в последний момент вмешался в события, действительно предотвратив их трагический конец. Вероятно, он испугался, видя, что серьезная опасность угрожает жизни столь влиятельного в Курске купца II гильдии — Ивана Васильевича Пузанова. А может, сыграли роль и родовые чувства. Едва ли! По совету полицмейстера Пузанова они через время, быстро расселись на извозчиков, которые развезли их по домам. Домашним рассказ Иван Иванович преподнес в весьма смягченных тонах. Но напущенное ухо говорило о другом. Последующие события с января по март не так отчетливо представляются сегодня в памяти. Они были омрачены страшной потерей — смертью от тяжелой и продолжительной болезни отца, последовавшей 7 марта 1905 года. Однако И. И. Пузанов помнит, что в этот промежуток ему пришлось ездить в Москву, чтобы забрать свой багаж. Именно в этот приезд в Первопрестольную он купил на Кузнечном мосту полное собрание сочинений Гете и Гейне (в известном магазине Ланга), так как профессор Тимирязев и дядя Аркаша — побудили с ними познакомиться в оригинале. После возвращения из Москвы к И. И. зашел малознакомый студент- партиец, просивший предоставить ему кабинет для конспиративных собраний, но получил отказ в виду болезни отца. Однако его с В. Штибелем пригласили на собрание революционных студентов, прошедшее на частной квартире. В нем участвовали студенты-куряне и университетов Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, Одессы и местные гимназисты, ученики старших классов Реального училища. Выступления Иван Иванович не запомнил — их было много, они отличались сумбурностью. Наибольший успех сопутствовал двум выступлениям: долговязого поляка Старковича (учился с И. И. в мужской Курской гимназии двумя годами раньше), который звал всех стать инсургентами и бороться с царизмом, а также Бориса Соколовского, “решительно высмеявшего реакционеров всех мастей”. Итак, молодежь Курска теоретически ознакомилась с партийной литературой, а практически и организационно — на подпольных сходках в период буржуазно-демократической революции 1905 года мобилизовала свои силы, готовясь к тяжелой борьбе со страшным и реакционным самодержавием. После смерти отца — лето семья провела в Крыму, вблизи Симеиза. Оно было тихим, спокойным и весьма умиротворенным. С декабря 1904 года занятия в ИМУ не возобновились, поэтому весеннего семестра не было. В конце августа 1905 года пришлось ехать в Москву для продолжения занятий. Однако и здесь, как и в провинциальных городках и селах, народная революция постепенно начала диктовать свою волю царским властям. Народ в Российской империи уже ощутил вкус свободы добытой им в революционных боях.